

ЛИСТИ А. ДИМІНСЬКОГО ДО О. КІСТЯКІВСЬКОГО

Оксана ШАЛАК

Андрій Димінський — один із подвижників українського народознавства, чиє ім'я свого часу несправедливо забуто, усе своє життя присвятив збиранню фольклору. Його здобутки високо оцінили А. Кримський, А. Лобода, М. Левченко та ін. Російське Географічне Товариство, дійсним членом якого А. Димінський був, нагородило фольклориста медаллю за зібраний матеріал. Факт публікації його записів із Поділля в “Трудах етнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край” до певної міри засвідчує ставлення П. Чубинського до праці сумлінного збирача. Фольклорні записи А. Димінського переважають своїм обсягом особисті архіви багатьох фольклористів ХІХ ст.

Народився А. Димінський 1829 р. в с. Борщівці Могилів-Подільського повіту в родині столяра-кріпака. 1843 р. — вступив до повітової духовної школи, яку закінчив у першій половині 1840-х років. 1848 р. дев'ятнадцятирічний юнак склав іспити при Кам'янецькій лікарській управі і здобув право на лікарську практику. Проте фельдшером працював недовго. Обійнявши посаду писаря Пуклянського сільського правління Орининської волості, розпочав польові записи фольклору, збирання статистичних даних. Із Проскурівщини, куди перевели молодого збирача, до РГТ надійшли статистичні нариси, а згодом А. Димінський став дійсним членом РГТ.

Із 1860 до 1863 р. фольклорист мешкав в с. Гаврилівці Кам'янецького повіту, а потім переселився до с. Струга Новоушицького повіту. В цей час написав етнографічні нариси “Побут селян Кам'янецького і Проскурівського повіту” (1863 р.), “Марновірні обряди при побудові хати в Кам'янець-Подільській губернії” (1864 р.), а також нарис “Про привізну і особисту промисловість селян Подільської губернії” (1864 р.). А. Димінський узявся записувати казки, легенди, перекази, загадки, анекдоти, прислів'я, приказки. Через Подільський статистичний комітет та особисто П. Чубинському збирач надіслав 10 конторських книг із записами фольклорної прози, а також книги та окремі папери, де містилось понад 2970 пі-

сень. Від 1876 — року Емського указу — А. Димінський зазнав переслідувань як “опасный украинофил”: доноси, обшуки, звільнення з роботи. До цього періоду належить опис одягу селян Поділля, а також збірка прислів'їв. Ці роботи фольклориста вважав втраченими ще М. Левченко в 20-х роках ХХ ст. У секторі наукового архіву рукописів та фонозаписів ІМФЕ зберігається етнографічно-фольклорний нарис “Опис Чумацького промислу Київської губ. Звенигородського повіту Лисянської волості с. Орли із 1860 по 1892 рр.” (Ф1-4/342), написаний, очевидно, 1892 р., коли А. Димінський обіймав посаду волосного писаря у Шполі на Звенигородщині. Повернувшись до Струги А. Димінський вже не зміг працювати, бо осліп.

1905 р. невтомний збирач помер. Поховано його в с. Струга, в урочищі Домашник, де сьогодні могилу доглядають небайдужі земляки. Із загального доробку А. Димінського віднайдено близько 3000 пісень різних жанрів, понад 700 зразків фольклорної прози, 9 статистичних та фольклорно-етнографічних нарисів, різні документи. Це лише невелика частина записів. Багато їх згоріло ще під час громадянської війни.

До постаті А. Димінського ставилися здебільшого упереджено: мовляв, працювотий, але мало освічений волосний писар сумлінно збирав впродовж життя найрізноманітніший фольклорний, етнографічний, статистичний матеріал, часом не усвідомлюючи, для чого, з якою метою. Таке уявлення цілком несправедливе, А. Димінський був одним з кращих представників сільської інтелігенції, що й на сучасників своїх робив “дуже приємне враження своєю українською свідомістю” (Ю. Сіцінський).

Багато зусиль до вивчення спадщини фольклориста доклав М. Левченко, йому ж належать перші спроби життєпису А. Димінського. 1928 р. побачили світ “Казки та оповідання з Поділля в записях 1850—1860 рр.”, яким передували статті “Збірка подільських казок 1850—1860 рр. волосного писаря Димінського” (Етнографічний вісник. — 1927. — Кн. 4. — С. 160—172), “Знадоби до життєпису поділь-

ського етнографа А. І. Димінського (бл. 1826–1897)” (З поля фольклористики й етнографії. — К., 1928. — Вип. 2), “Знадоби до життєпису Андрія Івановича Димінського” (Записки історично-філологічного відділу. — К., 1928. — Кн. 16. — С. 255–266).

Історія вивчення фольклористичної діяльності А. Димінського охоплює також покликання на записи із Поділля в працях А. Кримського, рецензію на “Казки та оповідання...” В. Резанова, короткі статті інформативного характеру М. Рябого, дослідження певних аспектів проблеми П. Поповим, М. Сиваченком, згадки робіт фольклориста в дослідженнях В. Борисенко, В. Скуратівського...

Сьогодні можемо говорити про А. Димінського як фольклориста, перейнятого прогресивними ідеями, актуальними для фольклористичної науки середини ХІХ ст. Збирач застосовував свої знання, щоб дати науці те, без чого вона безсила, — науково надійний першоджерельний матеріал. Аналіз рукописів, вивчення послідовності, манери запису та принципів, наступних етапів роботи над текстами, зокрема перед підготовкою до публікації, — дають змогу твердити, що А. Димінський як дійсний член РГТ і фольклорні записи провадив у руслі його засад. Методи збирання фольклору та іншого народознавчого матеріалу, що їх використовував А. Димінський, були властиві для сербської, польської на інших шкіль записування в першій половині ХІХ ст., але в українській — рідко вживані.

Записи пісень А. Димінського зберігаються в Інституті рукопису Національної бібліотеки України ім. В. Вернадського (ф. 36, од. зб. 132–133). Серед них — “Пісні побутові про кохання”, “Побутові родинні”, “Побутові”, “П’яницькі”, “Рекрутські”, “Жартівливі”, “До танків”, “Чумацькі”, “Колискові”, “Косарські”, “Колядки на Різдво”, “Щедрівки на Богоявлення”, “Гаївки”, “Пісні старців із акомпанементом ліри”, “Пісні при хрещенні”, “Пісні весільні”. Своєрідне “вибране” із усіх цих записів — 9 збірок пісень, переписаних (деякі — навіть двічі) рукою А. Димінського (Інститут рукопису НБУ. — Ф. 1, од. зб. 1485–1493). Їх фольклорист готував до видання та надсилав О. Кістяківському, який мав провести впорядкований збірник через цензуру.

Три рукописні збірки: “Пісні про кохання”, “Пісні до танцю” і “Пісні родинні”, — в секторі наукового архіву рукописів та фонозаписів ІМФЕ (Ф. 4–2/28; ф. 4–2/29; ф. 4–2/30) серед паперів Я. Новицького. В архіві РГТ також зберігаються дві збірки пісень “родинних” та “про кохання” із Проскурівського, Кам’янецького, Могилівського і Новоушицького повітів. Надіслані вони до РГТ 1889 р. після смерті О. Кістяківського, коли А. Димінський зрозумів, що найближчим часом видати зібрані пісні не вдасться. Більшість цих записів — не паспортизовано. Тільки біля окремих пісенних зразків можна прочитати або місце запису, або ім’я та прізвище інформатора.

Науковий підхід до збирання фольклору засвідчує той факт, що А. Димінський вважав за потрібне записувати всі почуті зразки: менш та більш викінчені, уривки пісень та варіанти цілісні, пісні новіші, ще не “відшліфовані” — тобто здійснював повний зріз фольклорного репертуару місцевості. Фольклористові належать спроби систематизації зібраного матеріалу, що є по суті одним зі станів їх наукового осмислення.

Записи фольклорної прози А. Димінського використані в “Трудах этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край” П. Чубинського (т. 2, 1878 р.). Можна визначити, що для публікації бралися рукописи. — Ф. 36, од. зб. 709–713 (Інститут рукопису); ф. 8–КІ / 68 (ІМФЕ) та зібрання І. Рудченка N4, БАН Росії. Записи, використані в “Казках та оповіданнях з Поділля” (К., 1928 р.), зберігаються в Інституті рукопису — Ф. 36, од. зб. 121.

У зібранні А. Димінського належною мірою представлені всі види казкового епосу — тваринний, героїко-фантастичний (чарівні казки), побутовий. Значною тематичною строкацією вирізняються перекази, легенди, анекдоти, апокрифічні оповідання. Багато ознак (використання казкових формул, прислів’їв, приказок, римунання) вказують на прагнення збирача записувати від оповідачів-майстрів. За кількістю сюжетів та жанровим розмаїттям рукописну збірку фольклорної прози А. Димінського важко навіть порівняти із будь-яким іншим, опублікованим в середині ХІХ ст., збірником казок. Крім української, фольклорист записував польською та російською мовами,

подекуди коментував записи, фіксував сюжети, не надаючи переваги завершеним, цілісним зразкам.

Записи А. Димінського потребують видання та перевидання як такі, що належать до порівняно ранніх фіксацій українського фольклору. Методика запису, засади, на які спирався фольклорист, роблять ці матеріали особливо вартісними для науки. Сам А. Димінський належить до когорти подвижників, чия тяжка праця сприяла поступу науки, а матеріали стали ґрунтом для вивчення духовної спадщини українців.

* * *

Від часу Емського указу (1876 р.) А. Димінського переслідують біда за бідую: на нього доносять, помешкання обшуковують, звільняють з роботи. І якби не Подільський статистичний комітет, що підтримав свого активного працівника, то, хто знає, як би склалось усе для “небезпечного українофіла”, наукові інтереси якого просто дратували представників влади.

Саме цього року фольклориста переводять із с. Струга Новоушицького повіту до с. Муровані Курилівці Могилівського повіту, а далі й зовсім звільняють із посади писаря. Згодом А. Димінський обіймає посаду тисяцького в м. Калюш Ушицького повіту, знову писарює в Суловецькій волості Летичівського повіту.

Цей період у своєму житті А. Димінський описує у листах до професора О. Кістяківського. Листи ці збереглися, і нині вони зібрані в Інституті рукопису НБУ ім. В. І. Вернадського (ф. 1, од. зб. 24858–24874).

Олександр Федорович Кістяківський (1833–1885) — юрист, професор кримінального права Київського університету, дослідник українського звичаєвого права та судового устрою Гетьманщини, відомий працями “Исследование о смертной казни” (1867), “Права, по которым судится малороссийский народ” (1879), автор підручника загального кримінального права.

У першому ж листі із ще “особисто не знайомого”¹ О. Кістяківського, фольклорист пише, що у нього зібрано до 10 тисяч прислів’їв подільських і є ще 100 не опублікованих у “Трудах етнографическо-статистической экспедиции” казок. Згодом А. Димінський зауважує, що збірник прислів’їв Номиса він ще не придбав, і просить надіслати книгу. І в

тому ж листі: “...якщо вам потрібен ще кореспондент, який би збирав звичаї, то зверніться до мого сина — учителя Лисянського Народного Училища Йосипа Андрійовича Димінського...” (ф. 1, од. зб. 24859, 18.03.1878).

У листах до професора О. Кістяківського волосний писар А. Димінський висловлює міркування з приводу “історії тутешнього краю” (ф. 1, од. зб. 24860), надсилає копії актів різних років латинською мовою, що стосуються родин Косаківських і Комарів, які володіли Мурованими Курилівцями в кінці XVIII і на початку XIX ст. Фольклорист має в своїй бібліотечі “Этнографические сведения о Подольской губернии” В. Данильченка, він пропонує їх (“на певний час... позику Вам”) Кістяківському, бо книга містить юридичні звичаї, які зацікавили б професора-юриста.

З часом листування набуває характеру співпраці. А. Димінський надсилає О. Кістяківському свої записи пісень: “Пісні я послав для того, щоб взялися, якщо те не пов’язане буде із труднощами, віддати в цензуру. Можливо, знайдеться хто, що їх віддрукує...” (ф. 1, од. зб. 24864).

Усі ці листи надіслано із с. Суслівці Летичівського повіту 1878 року. Згодом, із вересня до грудня, в листуванні — мовчазна пауза, причиною якої стала смерть дружини А. Димінського Марії Хобржинської: “...дружина померла, розтративши на лікування все, що тільки було, і тепер я залишився вдівцем із трьома дітьми...” (ф. 1, од. зб. 24865). Проте, незважаючи на горе, матеріальну скруту, А. Димінський і далі працює. І вже 5 березня 1879 р. надсилає О. Кістяківському копії рішень Суловецького волосного суду (до 1870 року) і книги рішень суду Ушицького повіту кінця XVIII — початку XIX ст.

Всього 452 номери² вироків волосних судів отримав О. Кістяківський із Поділля від свого невтомного кореспондента. Це були рішення Гредчинського, Вербовецького, Суловецького, Ушицького повітових судів.

Водночас із величезною рукописною збіркою пісень А. Димінський надіслав професору О. Кістяківському окремих рукопис “Пісні проти нещоти нареченої-дівчини”, зібрані в с. Меджибіж Подільської губернії. Від О. Кістяківського А. Димінському надходить “Записки Юго-Западного отдела Императорского

Русского Географического Общества” (К., 1875, т. 2), із яких фольклорист “дознався, що мій збірник казок переданий П. Рудченку, із яким я знайомий листовно...” (ф. 1, од. зб. 24865). (В “Записках...” йдеться про десять книг фольклорної прози, переданих І. Рудченку П. Чубинським. Сім із них нині знайдено). Згодом І. Рудченку А. Димінський надіслав ще рукопис казок (гадаємо, той, який зберігається нині в Інституті рукопису. — Ф. 36, од. зб. 121): “...я писав до нього (І. Рудченка — О. Ш.) декілька разів, але відповіді не отримав... Так само я послав йому казки — і ніякої відповіді...” (ф. 1, од. зб. 24871).

У цей час А. Димінський перебрався до Струги. Скопинський банк, куди А. Димінський вклав усі гроші, збанкрутував, фольклорист залишився без засобів до існування. Так 53-річний сільський інтелігент змушений почати життя хлібороба. Близько 1883 р. на А. Димінського зроблено донос. Поліційний урядник І. Гордійцев повідомив начальство, що писар А. Димінський дає читати селянам революційні книжки, а від них записує “всілякі оповідання проти релігії і панів”. 1883 р. у будинку А. Димінського зробили обшук. Почалося слідство, фольклориста звільнили з роботи. В цей час А. Димінський знову звертається до І. Рудченка — тоді чиновника з особливих доручень при генерал-губернаторі — із проханням дати рекомендацію і допомогти дістати посаду (лист написано в січні 1884 р.).

Відповідь І. Рудченка М. Левченко вважає черствою, а самого видавця “Народных южнорусских сказок” називає Никодимом від українства. І. Рудченко писав А. Димінському, що він дотримується правила: не рекомендувати нікому осіб, яких він не знає особисто. Таку відповідь І. Рудченка пояснити справді важко. Він не був знайомий із Димінським очно, проте листувався із ним задовго до цього випадку.

Того ж 1884 р., у травні, А. Димінський пише іншому своєму адресатові до Києва: “...повірте мені, що ледве-ледве перебиваюся, хоч би хліб був...” (ф. 1, од. зб. 24872, лист до О. Кістяківського). Проте вже в наступному листі читаємо: “...викладаю свої думки і знання за програмою” (ф. 1, од. зб. 24874). Це єдиний лист, написаний українською, датований 9 вересня 1884 р. А. Димінський все ще в Струзі. У 1885 р. на фольклориста зроблено

ще один донос: він нібито підбурює селян проти волосного начальства. І — вимога: виселити А. Димінського із Поділля. Допоміг запобігти цьому Подільський статистичний комітет. Так А. Димінський залишається в Струзі, а наклепникам навіть винесли “выговор”. Проте негаразди нещасливого 1885 р., здавалось, ніколи не скінчаться. Ще більше горе падає на Андрія Івановича: від сухот помирає доросла одружена дочка Марія, а згодом 18-річний син Климентій. Тому листування, очевидно, переривається.

Листи А. Димінського подаємо російською й українською мовами — як писав він сам. Пунктуація наша — у Димінського подекуди відсутні коми, тире, подекуди — вони зайві. Почерк складний, тому окремі слова прочитати не вдалося. Деякі слова А. Димінський послідовно пише з великої літери (Государь, Волостные Суды), що ми усваємо. Слово “дело” фольклорист пише іноді й як “дило”, таке написання збережене. У публікації уникаємо “ъ” в кінці слів, проте тверде закінчення подільської говірки Димінського в листі українською — зберігаємо (“напишіт”, “він уважит”).

№ 1

I, 24858

Милостивый государь!

Извините меня, что я лично незнаком, насмелываюсь беспокоить, но покойный Антон Фомич Данилевский показывал мне письмо Ваше. Ну, если бы он не помер от такого несчастного случая, то дело было бы очень хорошее, очень жаль, добрый был человек. Вы изволили писать к покойному и просили списать несколько решений волостных судов. К сожалению, решения повсеместно подчиняются к статьям устава **о благоустройстве в казенных селениях**, либо оставлены на произвол судей, но обычного права в них не найдете, ибо волостные суды только с 1875 года всякое дело разбирают, а до того времени в течении года есть 5 либо 6 решений пустяжных, если угодно, то могу прислать Вам несколько копий, из которых убедитесь, что я пишу правду. Не могли бы Вы мне прислать несколько описей актовых книг Центрального архива, я по прочтении возвращу. У меня собрано до 10 тысяч пословиц подольских малорусских. Не нашли бы

охотника их напечатать? И до ста сказок находится, только, конечно, не г. Чубинского, который за сборник сказок почти 1000 прислал мне 50 рублей, а песни и прочия, которое заняло в “Этнографическом сборнике” 2/3 он даже мое имя редко упоминает. Я окрестил все Ушицким уездом, как и почтенный г. Новицкий все это высказал, теперь у меня этого хламу собрано очень много, да что толку в том — бидному мечтать о невозможном.

Ваш всепокорнейший слуга сусловецкий волостный писарь Летичевского уезда Андрей Иванов Дыминский.

6 марта 1878 года

№ 2

I, 24859

Милостивый государь!

На письмо от 12 марта сего года имею честь уведомить.

Программы по уголовному праву мне покойный не передал, видно, что она получена во время лечения простреленной раны, а потому покорно прошу пришлите, чем могу — буду служить.

У меня есть в архиве решения волостных судов двух волостей, и я начал писать копии с 1861 года, тогда будете иметь наглядное развитие крестьянской (нерозбырливе слово) за все прошлое время, когда представляю, то сами положите цену этой работе. Я не буду тут спорить. Да при том Вам услугу, доставши материала.

Сборник пословиц Номиса мне неизвестен и не слыхал о нем. Сожалею, что не знал о нем. Может быть, я попусту трудился? Если бы нашелся кто желающий издать пословицы и сказки, то я желал бы получить 100 рублей и 20 экземпляров книги. Что касается сообщений разных, то можете ко мне обращаться, я бесплатно удовлетворю. У меня собрано по всей Подольской губернии разные сведения по статистике, этнографии, могилах, городищах и т. под. При том или Вам необходим еще корреспондент по собранию обычаев, то обратитесь к моему сыну, учителю Лысянского народного училища Осипу Андреевичу Дыминскому Звенигородского уезда. То он может тоже сообщить нужные сведения и при том покорно прошу сообщить, как ему, так и мне свой полный адрес, потому что и так пишу наугад, - я вам сообщил свой адрес прежде. Примите уверения в искреннем моем почтении и преданности, с которыми имею честь быть Вашим покорнейшим слугою А. Дыминский.

P. S. Описи, если возможно, пришлите. Корреспонденцию получаю в Летичеве. Адресуйте просто волостному писарю Летичевского уезда Андрею Иванову Дыминскому. Хотя у меня есть несколько почетных титулов, но это к делу не идет.

18 марта 1878 года

№ 3

I, 24860

Милостивый государь
Александр Федорович!

Письмо и программу получил, и выполнить оную составит громадный сборник (очевидно, “и, выполнив оную, составляю громадный сборник” — О. Ш.). В ответ на оную у меня есть и готовых предметов, да все это требует **подвести** под вопросы, но постепенно с мая месяца возьмусь за них, авось услужу Вам по мере моей способности и знаний.

У меня пропасть сведений собрано, это все не систематически, так сказать, “сырый” матерьял, требует много писания, и пока я принялся только за Ушицкий уезд. По переписке сообщу на усмотрение и оценку этого труда. Я при собрании оного слишком широко задался задачею, да не под силу одному человеку. При холодном отношении лиц, с которыми я имел дело, которые только в виду имеют матерьяльные интересы, и не понимающих цели научной, и при моем незавидном положении, ну, что делать... А вам этот матерьял послужит, по обработке его, хорошим матерьялом.

При том покорно прошу обратить внимание ученых лиц на следующие факты истории здешнего края. Польские писатели пишут, что это была пустыня, но для чего в привилегиях пишут названия рек и урочищ? Ведь кто же в пустыне жил, что дал название рекам и урочищам? Не сам же получатель привилегии. И отчего на землях, данных сейчас, являются люди, и то малороссы? Нам их не прислали из Кувейта и Мазовии. Кроме того, встречаются крестьяне с фамилиями Король, Цар, Царук, Князь, и хотя встречавшихся личностей спрашивал о том, но они не могли мне сказать, откуда они имеют такие прозвища. Мне кажется, не происходят ли они от времени еще язычества и до введения княжеского правления, и литовская история упоминает о каких-то татарских царках Димитрие, не были ли то малороссыяне, соединившиеся после разгрома Батыева?

Ну, скажете, пустился в историю, вместо ответа на мою программу, и посмеетесь над властью, в которой писарем такой историк. За тем имею честь быть Вашим Всепокорнейшим слугою.

Андрей Иванов Дыминский

P. S. Извините, что напишу ниже. В Вашей программе написано, не следует ли учредить (слово нерозбырливо) приставов для пресечения конокрадства, ну, уж смеялся над этим вопросом, а почему? Тот, что я знаю действия этих бывших господ. (Нерозбырливо, можливо, “именно”), они то прилодили лошадиных воров, ибо до времени их учреждения воровства хотя и случались, но редко, а по необходимости принуждены были с воров получать (слово нечітко, очевидно, йдеться про хаба-

рі) и прикрывать их воровство. Я не знаю ни одного случая, чтобы они оказали на них содействие в возврате лошади даже при опознании, ну, впрочем, при описании, на этот вопрос я изложу, что знаю, но опасуюсь, чтобы оно не показалось как бы критикой правительственных актов...

Но чтобы говорить о воинских присутствиях, кажись, закон ясен и правила определительны, ну, а сколько на эту тему за те три года можно сказать об исполнении евреями повинности, чего тут не делается, конечно... Это относится к другим уездам, Летишевский уезд как-то только тем отличается, что евреи бегут, не хотят **ставиться**, пощады им не дают.

№ 4

I, 24861

Милостивый государь!
Александр Федорович!

Извините меня за долгое молчание, но причиной тому усиленная работа по волостям с поводом приготовления сухарей для войск в лагере при Меджибоже, но теперь, кажется, уже будет свободнее — за присылку описей и пословицы Номиса покорно благодарю, но я не мог Вам послать ничего потому, что занятия усиленные, но в скором времени будете иметь решения Гречинецкого волостного суда с 1861 по 1876 год, около 300 самых разнообразных решений, и переписывается последний — 1875 года, вместе с теми копиями решений, пошлю Вам с просьбой передать в цензуру песни любовные и семейные Подольской губернии, мой сын собрал на Черкашине свадебные песни в Лысянке, перепишет их и пошлет. Я Вашу программу давал некоторым личностям, полагал, авось хоть кусочек чего добудется, но, к сожалению, ничего не возможно добыть по равнодушию к этому делу. Я около июля постепенно буду Вам присылать хотя отрывочные сведения, но согласно программе сначала начну, а малый мой займется перепискою решений с 1861 года Суловецкого волостного суда, а там Вербейской сельской расправы, судившей на основании (слово нерозбірливе) Судебного Устава для государственных крестьян с 1845 года по 1867 год — словом, я обещаю много, но успею ли выполнить, это другой вопрос, но надеюсь, что месяца через три можно будет, при сем случае покорно прошу, спросите, что стоит книга актов о гайдамаках, изданная Новицким. У нас теперь мировым посредником — некто Денисов из Киева, на днях приехал — не знаю, каков он будет, но нам очень жалко за покойным Антоном Фомичем Даниловским.

Примите уверения в покорнейшем моем почтении и преданности, с которыми имею честь быть Всепокорнейшим слугою Андрей Иванов Дыминский

6 июня 1878 года
Суловцы

№ 5

I, 24862

29 июля 1878 Суловцы

Милостивый государь
Александр Федорович!

Решения Гречинецкого волостного суда с 1861 по 1876 год посланы мною (нерозбірливо, можливо, “в июне”), хотя они писаны на скорую руку, но сущность можно из них извлечь, теперь переписывают решения Вербейского сельского управления, то есть расправы и волостного суда с 1845 по 1876 год. Будете видеть решения дел на основании Сельского судебного устава и на основании местного обычая, конечно с 1845 года по 1873 решений мало как по волостным судам, так и сельской расправы, но это от того происходит, что сельские и волостные старшины при объезде селений чинили **домашнюю** расправу, хотя против того были жалобы, но, конечно, против них объяснились, что это неправильная жалоба, с того года суд более правильный, но еще и доселе крестьяне обращаются в волостной суд, но к старшине. Можно вообще сказать, что личность крестьянина при общинном платеже податей по круговой поруке и владению землей страшно подавлена общиной, и снова громада — “велький чоловик” сильно дает себя чувствовать, хотя эта громада составляется из 10—20 человек (слово нерозбірливе).

Вы просили меня сообщить некоторые факты о воинской повинности, но я их сообщить не могу, потому что на меня бы обрушились все невзгоды, но, по-моему, Вам стоит просмотреть находящийся в губернаторов или губернских волостных присутствиях донос, то получится ясное понятие, что они правдивы — то не подлежит сомнению, хотя не раз (слово нерозбірливе) опровергнуты. Я слышал от моих хороших знакомых... (далі речення нерозбірливе). О гайдамаках я только покорно прошу сообщить цену.

Ваш всепокорнейший слуга А. Дыминский.

№ 6

I, 24863

4 августа 1878 г. Село Суловцы

Милостивый государь
Александр Федорович!

Переписка копий решений страшно идет медленно, потому что нет времени, но чтобы познать Вас с сущью решений, то по-моему мнению, а главное дело, скорее, такая работа: 1. Содержание; 2. Решение, а то только много слов и работы, а суть одна и та же. Если желаете так, то можно будет ускорить это дело.

С программой вашей дело продвигается, сын так же готовится описание свадьбы с салными песнями. — У нас ожидают Государя на смотре воинском при Меджибоже.

Ваш всепокорнейший слуга А. Дыминский.

№ 7

I, 24864

4 сентября 1878 года

Милостивый государь
Александр Федорович!

Песни я послал для того, чтобы приняли на себя труд, если то не сопряжено будет с затруднениями отдать в цензуру, может найдется кто, что их отпечатает, хотя за чтонибудь или с маленьким вознаграждением мне. Решения Вербицкой сельской расправы списываются целиком, но я полагал, что Вам нужны только окончательные заключения суда по данной жалобе без объяснения ответчика и показания свидетелей, но если вполне решения необходимы, то будете иметь их, но, конечно, повремените.

За обещанные посылки книг покорно благодарю. Сын мой уехал, и он пришлет Вам описание свадьбы, прочего, что успеет приготовить. Я ему указал путь наш, что дилается. Я по своей службе громадные имею занятия и никак не собираюсь что путного написать по программе, покамест довольствуйтесь хоть решениями списанными, хотя с ошибками, но во всяком случае цель, и все.

У меня есть книга на латинском, не то на итальянском языке, изданная в 1594 году в Венеции под заглавием "Di alberto Dovero Pitbore Egeometra Chiariozimo Della Svinmetra Dei Corpi Hungari Libri Guanti" (назва написана доволі нерозбірливо). Книга эта переплетена в пергамент, хорошо сохранилась. Если кто пожелает ее приобрести, то я вышлю Вам. Я полагаю, что свод законов, собранный по повелению Импер[атрицы] Елисаветы, есть копия Литовского статута, который почти целиком вошел в X и прочие тома для губерний Георгиевской и Полтавской, а, может быть, этот свод составлен на основании опытов жизни, очень я в том отношении любопытен.

Знакомы ли Вы с этнографическими сведениями о Подольской губернии, в которых есть юридические обычаи, собранные миров[ым] посред[ником] Данильченком. Оно издано в 1869 году. У меня как члена комитета есть один экземпляр, то на время его позаимствую Вам. Больше не имею времени писать, потому [что] жена больна (слово нерозбірливе, можливо, "мне", така форма часто вживана на Поділлі й досі: "слаба мені дитина") безнадежно.

Примите уверения в непрременном моем почтении и преданности, с которыми имею честь быть Вашим покорным слугою

Андрей Иванов Дыминский

№ 8

I, 24865

Милостивый государь!
Александр Федорович!

Извините меня великодушно за долгое молчание, но причина тому та, что меня постигли Большие

несчастья, жена умерла, пролечивши все, что только было, и в настоящее время я остался вдовцом с трима дїтьми. Но я пристроил [их] в училище. И другие служебные занятия (слово нерозбірливе, можливо, "измотали") все время так, что не мог уделить времени для письма, за книгу о гайдамаках покорно благодарю. Не знаю, как Вам показались решения Вербецкой сельской расправы и волостного суда, теперь пишутся копии решений Суслевецкого вол[остного] суда (далі речення нерозбірливе). Новоушицкое волостное присутствие **разпасировали**, да Литинскому досталось тоже за **освобождения** денежные, которые были уже черезчур ясные. Так что привилегированные личности и купцы платили, как одно лицо меня уверяло, до 7 тысяч рублей, но, во всяком случае, описывающий много скрывает, ибо имен личностей, которые показаны героями правды к[ак] и прочие не так чисты, как показываются, а, Бог с ними, жаль, что не устранили и И. и Д., но, может быть, кому придет в голову описать их защитниками и благодетелями крестьянского сословия по неофициальным данным.

Примите уверения в искренней моей преданности, с которыми имею честь быть Вашим покорнейшим слугою А. Дыминский.

26 декабря 1878.

Летичевского уезда
Село Суслевцы

№ 9

5 марта 1879 года

Летичевского уезда село Суслевцы

Милостивый государь!
Александр Федорович!

Книга, изданная Вашими трудами, мною получена, покорно благодарю за присылку. К Вам посылаю копии решений Суслевецкого волостного суда по 1870 год, книги решений уездного суда Ушицкого уезда конца прошлого и начала нынешнего столетия, я их приобрел случайно при распродаже дел с публичного торга, может быть, что-нибудь из них извлечете, посылаю так же итальянскую книгу медицинскую, которой около 300 лет, может кто найдется охотник. Что за нея дадут, то купите мне записки Киевского отдела Географического общества и пришлите, при сем в письме прилагаю копии актов разных годов на латинском языке, передайте их господину Новицкому, они относятся к семейным дилам Коссаковских, Комаров и имуществам их. Я их случайно встретил в мелочной лавке в Куриловцах; и которые не попорчены временем и видом, то покупал, может быть, они пригодятся в Архе[ологической] комиссии. Если они на что-либо пригодны, пусть воспользуются, а взамен того выпишут мне из актов копии, если найдутся о моей фамилии, а они должны быть по Вольнской

губернии и по Подольской. Извините великодушно, что я Вам наскучаю.

Примите уверения в искреннем моем почтении и преданности. Ваш, милостивый государь, всепокорнейший слуга Андрей Иванов Дыминский.

P.S. Если есть у Вас Терещенко “Быт русско-го народа”, одолжите мне на три месяца для проче-та. Книгопродавец Вольф запросил 30 рублей. Ну, я и не познакомился доселе с этим изданием.

№10

I, 24867

10 октября 1879. Г. Летичев

Милостивый государь!
Александр Федорович!

Из газеты “Киевлянина” я вижу, что Юри-дическое общество разрабатывает чиншевой во-прос, а потому прилагаю при сем в особом тюке копии инвентарей конца прошлого столетия в ко-тором при концы помещена шляхта, и так как об-ществу необходимо большое число инвентарей, то мой совет таков: в конце прошлого и начала сего столетий много имений Старостинских, Ка-зенных, Грундушевых и Городеных пожаловано и продано помещикам, сдача которых производи-лась по инвентарям, копии которых находятся в казенных палатах и управлениях Государствен-ных имуществ, которые не откажут в сообщении этого хлама, который им вовсе не нужен и без пользы истребляется мышами. И хотя посылае-мые копии инвентарей относятся до Старостин-ского имения, но вообще повинности были для помещичьей шляхты одинаковы, и только разве в том была разница, что в одном имении земли держали больше, а в другом меньше — и соответ-ственно тому и повинности в одних были больше, а в других меньше, но при том еще есть обстоя-тельство, что шляхта как причисленная к общест-вам, так и волостям, всеми средствами старает-ся, чтобы исполнять повинности и подати от-дельно от (слово нерозбырливе, можливо, “кре-стьян”) и считают себя высшим сословием: доче-рей своих за крестьян не отдают, сыновей с кре-стьянками не женят, а желали бы пользоваться правами крестьян на землю.

Не знаю, какая судьба постигла мои песни. Дали их в цензуру или нет? Если они процензуро-ваны, покорно прошу возвратить.

Итальянскую книгу купил ли кто или нет? Ес-ли нет, то так же прошу о возврате.

Примите уверения в искреннем моем почте-нии и преданности, с которыми имею честь быть Вашим, милостивый государь, всепокорнейшим слугою

А. Дыминский

№11

I, 24868

10 декабря 1879, г. Летичев

Милостивый государь!
Александр Федорович!

Письмо от 15 ноября мною получено, и книги “Записки отдела” так же получены, за что искрен-но благодарю, ибо из них я узнал, что мой сборник сказок передан г. Рудченко, с которым я знаком письменно, что же касается моих песен, я бы их ус-тупил для издания, если бы издатель, кроме любо-го вознаграждения выдал мне 10 экземпляров бес-платно и поместил, что они собраны мною, и я пе-редал бы для издания песни, бытовые, чумацкие, пияцкие, танечные и обрядовые, тогда составил-ся бы полный сборник, я, конечно, многого не хочу, примерно рублей полтора, но из них я бы уплатил переплетчику упомянутых мною отделов, что, конечно, займет времени около полгода, потому что этого есть пропасть до 4000, если не больше.

По Вашей программе я собрал много (слово нерозбырливе), ну что ж прикажете делать, невоз-можно окончить, работа одолевает служебная, что нас троих едва-едва успевает отписываться без за-стоя, кроме того, часто делаюсь нездоров, 52 года дают себя чувствовать. Извините великодушно, что осмеливаюсь беспокоить Вас своими заботами и интересами.

Примите уверения в искреннем моем почтении и преданности, с которыми имею честь быть Вашим, милостивый государь, всепокорнейшим слугою

Андрей Иванов Дыминский

№12

I, 24869

Милостивый государь!
Федор Александрович!

(Тут Диминский хвильюется і помиляється, треба “Александр Федорович”)

Осмеливаюсь Вас поздравить с Новым 1880 годом, дай Бог счастливо его провести и следую-щего дождать в добром здравии, при сем случае, если только это не будет для Вас составлять каких-нибудь затруднений, не могли бы Вы написать г. мировому посреднику участка Каменецкого уез-да Андриянову, чтобы он дал мне в своем участке место волостного писаря, если бы Вы мне это исхо-датайствовали, то бы мне много помогли, тем бо-лее, что в Каменецком уезде — мать моя, старуха, которая требует попечения себе, Федор Александрович! Ради всего святого походатайствуйте, сди-лайте милость, за что премного буду благодарным и постараюсь доставить Вам матерьялов. Если бы г. Андриянов о назначении известил меня...

Примите уверения в искреннем моем почтении и преданности, с которыми имею честь быть Ва-шим покорнейшим слугою Андрей Иванов Ды-минский.

Под. губ. Летичев уезда,
село Сусловцы, 31 декабря 1879

№13

I, 24870

Ваше высококорodie!

Простите великодушно, что я осмеливаюсь беспокоить Вас своими просьбами, но дело в том, что я теперь остался без службы по милости людей, имеющих средства интриговать, подкупать и разные пакости делать; и я желал бы получить место волостного писаря в Каменецком уезде в участке мирового посредника Забелы. Если Вы знакомы с ним, ради Бога, зарекомендуйте, чем окажете мне большое благодеяние вместе с детьми. И, конечно, я не забуду Вашей рекомендации, хотя мне 54 года, но работаю здорово.

Вашего Высокородия всепокорнейший слуга
Андрей Иванов Дыминский

Новоушицкого уезда, село Струга, 5 июля
1882 г.

№14

I, 24871

Милостивый государь!
Александр Федорович!

Простите великодушно, что я назойливым стаю, с своими интересами Вам наскучаю, покорно прошу, сообщите мне, где в настоящее время находится издатель "Подольского листка" Сторожевский, я ему дал для напечатания сборник пословиц Подольской губернии, но не знаю, напечатал или нет? А также бывший или теперишний начальник отделения канцелярии генерал-губернатор Иван Яковлевич Рудченко, потому что я писал до него несколько раз, но ответа не получал. Также послал я ему сказки, и никакого ответа нет, я полагаю, не отправились ли они ad patres?

Если Вам необходимы извлечения из решений бывших сельских расправ государственных имуществ, то я теперь имею случай списать их с 1845 по 1847 год, конечно, кратко, так род проступка, исполненное за него взыскание. Я теперь болен и лечусь, но в промежутке мог бы списать — не могли бы Вы, милостивый государь, пособить мне написавши мировому посреднику Каменецкого уезда Забиле, чтобы он дал мне должность волостного писаря — он полтавец, недавно тут на службе — потому что, по случаю болезни, лишившись места, теперь бедствую, и при том дети в училищах, так что я нахожусь в чрезвычайно критических обстоятельствах, ибо поступая на службе честно, невозможно от жалования сдирать запас — и честность вредна для человека, как и проступки... И не знаю, как жить теперь на свете. Если же жить, то может знакомы с Вакаром, мировым посредником Звенигородского уезда, то не возможно ли написать к нему. Я бы тем охотнее поехал в Киевскую

губернию, что там мои дети находятся, и для меня было бы очень то выгодно, — надеюсь на Ваше заступничество и ожидаю ответа.

Примите уверения в искреннем моем почтении и преданности. Ваш всепокорнейший слуга Андрей Иванов Дыминский

Подольской губернии, Каменецкого уезда село Гавриловцы, почта Исаковцы, 6 ноября 1882 года.

№ 15

I, 24872

Милостивый государь!
Александр Федорович!

Вы меня извините великодушно, что во время бытности моей у Вас, я, конечно, увлекся и забыл о своем положении и Вашем, и разговор шел как бы с равным, почему покорно прошу простите мне, я не так поступил, как бы следовало — по приезде моем домой застал жену больною серьезно, мать ее тоже, и теперь у меня постоянная больница. Еще хорошо то, что сестры жены трудятся около больных, и тем много выручают меня. Не знакомы ли Вы с мировым посредником Забелой Каменецкого уезда 1 участка, он Полтавской губернии помещик. Если знакомы, не могли бы написать к нему за меня о [моем] помещении — либо, может быть, к другому: если бы в Уманском уезде в участке Мацарского либо Звенигородском, в участке Вакара — а то, поверьте мне, что едва-едва перебиваюсь. Хотя бы хлеб был, а то бездождие грозит цену поднять до невозможного и придется крепко страдать — еще если бы сам, то беда была бы сноснее, а то два хлопца есть: одному нужно приготовиться к экзамену на учителя, а другого нужно поместить в (слово нерозбірливе) школу, либо в учительскую семинарию в Коростышеве. А тут никаких средств не имею.

Не знакомы ли Вы с директором Коростышевской семинарии, чтобы упросить его принять на стипендию, то для меня было бы несказанное благодеяние; вот если бы посредством Вас я был помещен на должность писаря, а сына — в семинарию, то в таком случае Вашу программу я вполне мог бы выполнить в течении полгода самым добросовестным образом, обещанных рассказов я теперь не могу сообщить, потому что вожусь с больными своими — после представляю; не могли бы сообщить мне свое издание исследования о смертной казни, может быть, я Вам сообщил бы мнение народа о ней — конечно, при чтении книги приходят воспоминания — как слышанные, так и из других источников, если можно, сообщите. Да, в нашей губернии целисть девиды называется "цнота девичья" — "цнотлива дывчина", кажут.

В настоящее время, по случаю бездождия, народ сбывает скот за полцены, яровые хлеба плохи, озимые тоже, трав нет, земля потрескалась от суши, воды иссякают, что то будет, одному Богу известно, но дороговизна предстоит серьезная.

Примите уверения в искреннем моем почтении и преданности, с которыми имею честь быть Вашим всепокорнейшим слугою Андрей Иванов Дыминский.

20 мая 1884 г.

Подол. губернии

Новоушицкого уезда

село Струга

№ 16

I, 24873

21 июля 1884 года. Г. Новая

Ушица, село Струга

Милостивый государь!
Александр Феодорович!

Давно не писал Вам, не имел я времени, ибо нужно то дров, то воды принести, то другие хозяйственные дела справиться — тепер, улучив свободную минуту, излагаю свои мысли и знания по программе.

О преступлениях.

1. Самыми тяжелыми считают убийство и воровство.

2. Признают, что человек рождается с назначением убивать и воровать, и ничто его положения изменить не может.

3. Наследственности нет, часто случается, у порочного отца и матери примерные дети; и, вообще, преступления считают ничем другим, как сумасшествием, случайным или врожденным. Описывать же воровства после тех сведений, которые Вы собрали через мировых посредников в 1877 / 8 годах, я нахожу излишним.

4. Наследственности нет и обучения тоже, но нужда и пример

5. Народ гнушается тем, что причиняет вред, преимущественно воровством — и для воров признают, что их следует вешать без пощады и следствия — преимущественно, скотских воров.

6. Малье воровства, пока за воровство скота не отняли судебную власть у волостных судей, наказывали четверною ценою покраденного.

7. За все злые деяния, не наказанные людьми, получают наказание Божье, что же касается грехов суеверных, то о них громадные рассказы существуют.

8. Убийства (слова нерозбірливі, можливо, “во время”) гнева признают мальми и случайными преступлениями, но из засады, [в] ночное время, с ведома отца, матери, брата, сестры, признают непростительным грехом.

9. Рассказы и легенды о разбойниках существуют, и народ к ним симпатии не имеет, но удивляется их ловкости, изворотливости; разницы в наказаниях между писанным законом и взглядами народа есть много.

10. Различает, но легенд по сему нет.

О наказаниях.

1. Наказание полагают телесное, денежное чаще. Аресту мало, наказание до 20 розок редкое, о замене одного наказания другим не просят, женщины телесно не подвергаются наказанию.

2. Помещения для арестуемых при волостях нигде не имеются, а сидят в снях, коморках, сараях и т.п., не освещаются, постелей и кроватей нет, на голлом земляном полу сидят, колодок, ошейников, цепей нет. А что прежде было, то всякому известно.

3. Покуты сельские власти, равно и священник, не назначают.

4. Вождение по селу не существует, но, изобличая в прелюбодеянии, для видимости окошка в доме выбивают. О куне только предание, что она была род колодки, до которой виновного или виновную примыкали.

5. Система наказаний устанавливается писанным законом. Мягкою [мягким] считают посадить в тюрьму за воровство, разбой — общий голос в пользу повешания, наказания шпицрутенами, кнутом и плетью признают тоже полезным — что есть выражения об отсечении рук за побои родителям — то есть [когда] дети бьют родителей частенько, а юстиция молчит.

6. Что же касается тюремного заключения для воров, то считают таковое бесполезным, ибо по выходе он является отъявленным вором, и народ страшится таковых и постановляет приговоры об удалении в Сибирь, не жалея издержек. По прочим предметам признает несчастными сидевших.

7. Всегда предпочитают лучше помириться за вознаграждение, но суд общий примирения не допускает — за воровство домашним порядком, мошенничество тоже, изнасилование, растление — мирятся. За убийство — никогда, ибо по производстве следствия виновный садится в тюрьму.

8. Инородцы, евреи и поляки мести видимой за убийство своего сочлена не дилают.

9. Народ верит, что за худые поступки Бог наказывает, но как — не известно.

10. Общие и частные бедствия приписывают наказанию Божью за грехи вообще.

11. Суеверные способы отщипления преступнику не существуют.

12. Редко прибегают, но был случай самосуда над конокрадами, их поймали, связали щуркою пальцы ножные и ручные и повесили — били, водили по тернию колючему — и те признавались. Опять били до полусмерти — и после отдавали их полицейской власти, этот самосуд вызывался тем, что суд засуждает в тюрьму и больше ничего; а еврейские погромы возникают — много я знаю примеров, да Бог с нами, не хочу никого раздражать, и так мне худо.

13. При взыскании податей заключают плательщиков под арест, продажи имущества редко бывают.

14. Волостные старшины и старосты часто по мордам бьют за дерзости себе, если крестьяне встают против их несправедливостей, лучше бы все им не представлять власти полицейской и судебной, ибо крестьяне в них не имеют никакой защиты, а мировые им потакают.

15. Детей до 18 лет представляют исправлять родителей, но за вред родители должны вознаграждать.

16. Сумашедших считают, что они больные от лихих людей — и за преступления взысканию не подвергают. И, конечно, держат их на цепях.

Добавил.

Сожительство вне законного брака.

1. Не встречается, и народ относится как к делу греховному.

2. Детей называют (слово нерозбірливе) и ридко их узаконяют, главное, потому, что они по всех документах пишутся незаконнорожденными.

Прилюбодеяние.

1. Народ считает грешным сожительством, но не преступлением.

2—3. Если муж иногда согрешит, то над тем смеются, но если жена — то муж с нею расправляется побоями. И любовнику ея достается, если поймают, и народ только смеется над ним.

4. Жена не считает себя вправе бить мужа и считает это грехом, но над женщиною расправляются снятием с головы платка как (слово нерозбірливе) - и разбитием в доме в окнах окошек.

5. Между крестьянами очень редко, мне известен случай в Ямпольском уезде в селе Суботовке, муж и жена, прожив около 16 лет, не имели детей — и им посоветовали, чтобы они нашли такого, который бы удовлетворил их желанию. Они нашли такого за 25 руб. на месяц, и вот по истечению месяца жена оказалась беременною, а через 9 месяцев родила мальчика на радость всем, потому что люди зажиточные, конечно, священник знал о сем и все село, — ну, помолились Богу о грехах — и на том конец — а мальчик растет. Другой случай, что сын до (тут, очевидно, втратив последовність викладу, перегортаючи сторінки) пристал, и она жила с отцом и пасербом до смерти, все знали, но не преследовали.

6. Собственно, чтоб иметь наследников.

7. Считает и получает.

8. Не считает предосудительным, ибо признает мужчину причиною, что он имеет детей.

Внебрачные отношения.

1. Народ смотрит на обольщение снисходительно, но через людей советуют жениться, если же не женится, то присуждают, чтобы уплатил издержки крестин, рублей 5—10.

2. Хотя винят парня, но больше всего девушку — и на содержание дитяти ничего не дает.

3. Называют “покрыткою” — от того, что она покрыта мужчиною незаконно, и она, хотя не в презрени, но не всякий хочет взять, главное, с ди-

тям чужим — она сама завязывается, и обрядов не существует никаких.

(продолжение будет)

Теперь есть в Каменецком уезде вакансия писаря волостного, то я подал Вашему земляку Забиле — мировому посреднику докладную записку и пояснил, что Вы поручитесь за меня, если милость Ваша, напишите от себя несколько слов, будьте столь добры, право, что есть нечего.

Ваш всепокорнейший слуга Андрей Иванов

Дыминский

Подольской губернии

село Струга Новоушицкого уезда.

№ 17

I, 24874

Високоуважаемый пане
Александре Федорович!

Послав я Вам коротеньку цидулку по запросах, думав, що хоць увідомите, що получили, та, видно, чи не маєте часу, чи, може, то, що якусь злу роботу учні зробили... бодай їм пусто було, що вони тільки тревожат і неспокій роблять.

Сварилися прутья, як би їм добре стару паню вишастати, то би сиділа тихо, що і мухи не рушались, та ба! Тепер не б'ють, але вигонять із школи, то дуже зле, перше били здорово — не вигонили, але й за то й люди з їх повиходили, а тепер ідуть пси пасти в далеких краях, от що!

Як Вам сподобалася виписка о справах по Гавриловець волості, то я можу Вам еще прислати по другі волості — але напишіт, бо що ж попусту час тратити. Хоць я тепер гірко без служби бідую, але все ж час приберу написати — я недавно подав просьбу пану мировому Забілі — полтавцьови і написав, як ему треба рекомендації, то Ви можете бути ему порукою за мене. Не гнівайтесь за сее і, як ласка, то напишіт до него. Як до земляка, може, він уважит Вашу особу — Ви дуже міні поможете в лихі години. Чи пан Сторожевській вернувся с Харкова, чи ні? Дайте знати, будьте ласкаві, чи нема в Вас “Основи” за 1862 год, як есть, будьте добрі, пожичти, щоб прочитати, я Вам в цілості відошлю назад, тільки прочитаю. В нашім повіті ціна на хліб дуже мала, на сіно теж, так що в декотрих місцях озимини насяли пани — а ціна на робітника дуже висока, тай і дістати не можна.

Будьте здорові і Богу милі і передайте мій низенький поклін свої жінці от Вашого покорного слуги Андрія Димінського.

9 сентября 1884 года

село Струга Новоушицкого уезда Подольской губернии.

¹ Институт рукопису НБУ. — Ф. 1, од. зб. 24858. — Лист А. І. Димінського О. Ф. Кістяківському від 06.03.1878 р.

² Левченко М. Знадобы до життєпису Андрія Івановича Димінського // Записки історично-філологічного відділу. — К., 1928. — Кн. 16. — С. 263.

Andriy Dyminsky devoted his life to collecting folklore, his personal recordings are bigger than archives of most collectors from the 19th century, but unfortunately his name was unfairly forgotten and his contemporaries often underestimated him. This article gives some biographical information about Dyminsky's life, financial crisis through which he lived, describes works written about him (for instance, M. Levchenko's articles) and his collections (during his life he collected approximately 3000 songs, 700 prosaic texts, wrote some articles and essays, some of which were lost during the Civil War). At the same time the author of this article concentrates her attention mainly on the correspondence between A. Dyminsky and a lawyer, professor of the criminal law in Kyiv University O. Kistyakivsky. Additionally she publishes the letters themselves, which give an idea about A. Dyminsky's life and attitudes toward village life style, and lives of certain people, as well as his understanding of the villagers' layout and traditions.

ІМФЕ